

СВЕТЛЯЧОК

15.03.2013

№3 (24) Март 2013 года

• Творческий вечер

«И шаль моя по-девичьи красна»

Серьёзные жизненные даты – это ещё не повод для уныния. Скорее наоборот, повод пригласить друзей и вместе с ними вспомнить пройденные дороги. Или устроить, например, собственный творческий вечер. Так и поступила Маргарита Петрова, председатель литературного клуба «Светлячок», благо поводов для этого нашлось сразу несколько: полу юбилейная дата, недавний выход в свет стихотворного сборника «Попутчица», вступление в Тверское содружество писателей.

Друзья откликнулись. В небольшом зале районной библиотеки собрались единомышленники: члены литературного клуба «Светлячок», поэты из соседних Пеновского и Нелидовского районов, читатели, которым близко поэтическое творчество М. Петровой. Приехали журналисты из Нелидова, с которыми она дружна ещё с 1984 года: жили бок о бок на журналистских курсах в Твери целый месяц. С одной из них, Татьяной Казаковой – редактором городской газеты «Возрождение края», не виделись 28 лет.

«А вечер нам очень понравился. Было всё от всей души, искренне. Люда говорит: «Я так довольна, что сходила на вечер». Мы с ней почитатели Вашего творчества. Читаешь и пропускаешь все через себя. Очень Вам благодарны. Я думаю, гости тоже Вам благодарны».

(Зинаида Лемешко, Андреаполь)

«Маргарита Алексеевна, замечательный праздник вчера получился! Спасибо, что пригласили».

(Наталья Иванова, Пено)

Вечер, действительно, получился душевным. Звучали стихи автора в собственном исполнении, их читали друзья. Юрий Мотря исполнил песню, сочинённую им на одно из стихотворений Маргариты. А после, за дружеским чаем, читали стихи по кругу все присутствующие поэты, благо их было достаточно. И, конечно же, читали классиков литературы, ведь всё происходило в библиотеке, которая обязывает держать должный уровень.

• Земляки из далека

Татьяна Ланко**Великие Луки –
Андреаполь**Почему роднее всех она –
Родина, которая далёко?В памяти на век сохранена
Песнею, звучавшей у

истока

Златоводной Западной

Двины,

Где холодной ночью тихо очень

В плен берут сиреневые сны.

Им сопротивляться нету мочи.

И тогда, закрыв свои глаза,

Над землёй паришь аэроостатом.

Всё возможно, если вдруг нельзя,

Став орлицей, мчатся за закатом.

Прошептав заветное «Люблю»,

Заприметив в камышах кувшинку,

Ты очнёшься – вновь в своём краю,

Уронив в траву свою слезинку.

* * *

Отчего так дома хорошо?

Где родные тебе нежно рады,

И чужие тоже все – с душой

Потому, что больше нет награды,

Чем любовь Отчизны, – говорю.

Ведь земля родная сердце лечит.

Утром и в вечернюю зарю.

Вспоминаю бабушкины речи:

- Ты, дочушка, радуясь живи,

Ничего не бойся в мире этом.

Всё, что хорошо, то по крови

Дали мы тебе. Своим советом

Завещаю быть всегда такой,

Чтобы тот, кто будет с тобой вместе,

Был богат, и в книге золотой

Скажут люди: «Всё у вас по чести».

Всё по чести – дело и слова,

И друзья. И даже вражья сила,

Словно сорняковая трава,

Будет вянуть, только б ты любила,

И месила тесто, как твои

Тётки рукодельные. Я знаю:

Самою счастливою в любви

Будешь, моя внучка дорогая.

* * *

Ты сказал, что зима – это смерть,
 Всё не так, и ты знаешь об этом,
 Нам ведь многое надо успеть,
 А особенно будущим летом.
 Ну и что, что в саду листопад,
 Ну, подумаешь – северный ветер,
 Птицы смолкли, и скучным стал сад,
 Где однажды меня ты заметил.
 Сколько встретили вёсен и зим,
 Все их помним, а это так важно:
 Не поддаться уныньям седым,
 Не сдаваться рутинам бумажным.
 Ты сказал, что зима – это смерть.
 Это страшно. Но знаю другое:
 Зимний сон я смогу досмотреть
 И однажды - дожждаться покоя.

РАДИАЦИЯ ЛЮБВИ

Гиппеаструм на окне — златолилия,
 А гармония страстей только линия.
 А по линии идти — миру кланяться,
 Когда ревностно в тебя кто-то пялится.
 А завидуют чему и не ведают,
 Искушения в любви все отведают.
 Где взаимность — не для всех,
 Лишь для избранных,
 Радиация любви — нимбы изгнанных.
 Он влюблён, ты влюблена...
 Всё в том сладостно!
 Облучаемся сполна,
 Было б радостно ...

ЯША

А жизнь идёт и в замкнутом сосуде.
 Аквариум в больнице. Вся искрясь,
 Там дышит рыба, и прозвали люди
 Одну из неизвестных им — карась.
 И кличку дали — Яша. Он глазами
 Вращает и как будто говорит:
 О, люди, люди, говорю я с вами,
 Поймите по губам: по горло сыт
 Я жизнью вашей. Плаваю и вижу:
 Глядите и смеётесь... Как назло
 Подходите к аквариуму ближе
 И пальцем тычете в прозрачное стекло.
 И ты, поэт, глядишь, воображая,
 Что знаешь суть, все тайны бытия...
 Я царственная рыба — золотая.
 А вы: «Карась, карась!». Карась — не я!

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Будни клуба

Минувший год был для меня в некотором смысле юбилейным. Четверть века тому назад я впервые случайно оказался на заседании местного литературного клуба. Пригласили меня из вежливости, а согласился я из любопытства: до того никакого сколько-нибудь серьёзного интереса к изящной словесности у жителей земли андреапольской я не замечал. В том ноябре я впервые выступил с докладом по роману Платонова «Котлован». Конечно, это было ошибкой. Данное мне поручение содержало явный элемент провокативности, но я – что называется «скрепя сердце» - согласился. Опыт выступлений подобного рода у меня отсутствовал, аудитории я почти не знал, а часть её оказалась не готова к восприятию сложного и неоднозначного произведения. Кое-кто, возмущившись, покинул литклуб. Понятно, что время всё расставило по своим местам. Совпадение: свой (надеюсь, не последний) доклад на «Светлячке» я озаглавил так: «Омон Ра» Виктора Пелевина как своеобразное продолжение платоновского «Котлована».

История наша, особенно на рубеже первого десятилетия, была далеко не простой. Наше скромное сообщество почему-то упорно «хоронили»; были попытки расколоть его. Не вышло. Признаюсь: я раза четыре хотел на всё плюнуть, поводы имелись, но что-то меня удерживало, работа продолжалась. Когда имел свободное время, был довольно активен, но в прошлом году лишь пару раз попал на мероприятия. И в наступившем году мой рабочий график, увы, совпадает с расписанием «Светлячка», ставшего частью жизни.

Я знаю людей, которые считают, что в библиотеке собираются - я цитирую: «те, которым делать нечего». Такая точка зрения имеет право на существование, и я в своей жизни ставлю литературу отнюдь не на первое место, но деятельность «Светлячка» буду по мере сил поддерживать. Давно известно: человек, сведённый к необходимости, практически равен животному.

Недавно на какой-то радиоволне слышал я выступление небезызвестного поэта Александра Кушнера. Он попутешествовал по российской глубинке и с приятным удивлением отметил, что при многих местных библиотеках созданы и работают кружки любителей поэзии. Впрочем, об их уровне мэтр отозвался снисходительно, похвалив лишь тенденцию. Думается, что попав в Андреаполь, поэт сказал бы кое-что другое. У нас довольно высокий уровень. Что этому способствует? Припоминаю “знаковую” ситуацию. Под занавес очередной творческой встречи один из участников (похоже, не из местных), указывая на нашего около поэтического активиста, сказал: «Вот, какие среди вас есть таланты, а вы их не цените!» Тогда я возразить не смог, а сейчас отвечу. Мы – не секта, мы - открыты. А способности у нас очень даже ценят. Живой пример: к своим публикациям я имею слабое касательство: приношу в библиотеку рукописи, всё остальное здесь делают за меня сами. Впрочем, ничего особенного тут нет: в каждом цивилизованном обществе складывается немало кружков по интересам на абсолютно бескорыстной основе.

Собственно я не поэт. Просто иногда писал стихи. Это делают многие люди, простые и известные. Стихи писали И.В.Сталин, Ю.В.Андропов, лично Леонид Ильич Брежнев. Кстати, стихи И.В. Сталина (тогда Сосо Джугашвили) были настолько удачны, что вошли в антологию грузинской поэзии ещё до его прихода к власти. Одно из них, самое лучшее, оказалось пророческим. Об этом случае писали многие, повторять не стану. Стихи Ю.В. Андропова напечатаны посмертно. О стихотворениях Брежнева говорить нет смысла. О стихах своих я, может быть, когда-нибудь немного расскажу, но сейчас о другом, более важном. Ведь у нас произошло событие в местном масштабе даже историческое: Маргарита Алексеевна Петрова выпустила свой сборник. Он явился результатом не только поэтического труда, но и всей её жизни. Она, будучи успешным медработником, переквалифицировалась в педагоги, стала директором школы. Многие вспомнят и её успешную журналистскую деятельность. Её стихотворения сразу привлекли к себе внимание весьма серьёзных профессионалов и любителей поэзии. Надеюсь, у нас ещё будут поводы о них порассуждать. Но сразу отмечу: творческое общение, которое даёт «Светлячок», - это стимул существенный. Поэтому, поздравляя Маргариту, я поздравляю и всех её поклонников.

Известно: любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Понятно: охота и рыбалка куда практичнее писания стишков и распевания песенок. Но без искусства ... «скучно на этом свете, господа!».

М. Никоноров

● Гости клуба
Галина Андреевна

п. Пено

Родилась и выросла в Средней Азии. В Россию переехала вместе с родителями в 1990-м году, когда в республиках Советского Союза началась «борьба за независимость», сводившаяся к вытеснению русского населения.

По первому образованию – учитель, преподавала в школе, пока не получила предложение попробовать свои силы в журналистике. Попробовала – получилось. Уже 17 лет работаю в пеновской районной газете «Звезда», заочно окончила отделение журналистики филологического факультета ТвГУ.

МариоНЕТка

Кто хочет стать кукловодом:
Ниток готовит клубок,
Кружит меня в хороводах,
Целится прямо в висок?
Кто приготовил костюмы?
Кто занавес приоткрыл?
Кто это – дерзкий, бесшумный
С тенью от черных крыл?
Вот натянулись нити –
Приказывают плясать.
Смыкается цепь событий,
Но верю – не поздно удрать.
Колпак шутовской с резинкой
Не держится на голове,
И клоунские ботинки
Не по размеру мне.
Сорву кружевную манишку,
Шагну к оркестровому рву.
Нитки тонкие слишком...
Усилие... Шаг... Уже рву!
Звенят точно тонкие струны.
Свобода? Ах, как бы не так...
Кто-то дерзкий, совсем бесшумный
Навстречу делает шаг.
В руках его тонкая дудка.
Шуршание крыл за спиной.
И нет ни одной минутки,
Чтоб притвориться больной.
Уже не колпак, а корона
И бальное платье на мне.
В зале – кулечки попкорна
Похрустывают в тишине.
Танцюю зачем-то вальсы,
Вцепившись в шикарный фрак.

В перчатках замерзли пальцы,
В глазах вопрос: как же так?
И кукловода не видно,
И рукоплещет зал.
Ах, до чего же обидно –
Ну кто это приказал?

**Из цикла Осознание
Ножевое**

Ты позвонил – я не ждала.
Ты говорил, а я молчала,
Не плакала и не кричала,
И больше не была причалом,
В конце пути забыв начало:
Не разгорается зола.
В душе я не держала зла.
Мы рядом шли в строю – солдаты,
Неровный шаг гудел набатом,
Шов много раз мной был залатан,
Когда до дыр истерлись латы,
Когда кольчуга «поползла».
Что до моих тебе побед -
Тебе, в сверкающих доспехах!
Пусть в телефонной трубке эхо
Моим нелепым бьется смехом,
Отложим встречу – мне не к спеху.
Ведь ты всего лишь трафарет.
Истерся... Надо соскоблить.
Конечно, больно – на живое.
Хирург напишет: ножевое.
Теперь я выхожу из строя
Солдат любви, гудящих роem.
Соскоб заштопаю и – жить!

Боль

Плачу. Больно.
Сердце – с перебоями –
То не бьется, то в висках колотится.
В комнате, оклеенной обоями,
Света нет. Паук в углу охотится.
Паутину я не обметаю,
Режу руки, склеивая стекла, -
Уцелела рамочка простая,
Но она от слез моих промокла.
Больно. Бесполезно. Нет возврата.
Целого не склеить из кусочков.
Виноваты оба! Виноваты...
Деготь кто-то сунул в меда бочку.
Плачу. Слезы обжигают руки.
Красным клеem залиты осколки.
Накануне маленькой разлуки
Мы любовь разбили, да и только...

(продолжение, начало в №13 (21) за 2012 г., №1 (22), №2 (23) за 2013 г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.

1982

24.01

Вот и мои первые студенческие каникулы. Всё чаще задаю себе вопрос: правильно ли сделал, что поступил в сельхоз. И всё чаще не знаю, что ответить. Если правильно, то нужно бросить валять дурака, хотя бы для самого себя это важно; а если нет, то надо уйти: служить, например.

Как быстро летит время, и почти незаметно. Мне уже 18 лет. 18! Что же дальше???

8.03

Одиночество – это очень страшно. Нет никого рядом. А вдвойне больно: нет рядом близкого, любимого человека. А у меня всё не просто, всё не легко. Не вижу для себя никакого будущего.

1984

11.01

Пролетело почти два года моей солдатской эпопеи. Вот и получилось – будущее. Вроде бы повзрослел, а может быть, так и остался и останусь шалопаем-ребёнком.

Многое повидал, пережил, лучше стал разбираться в людях, научился их уважать и ценить, любить их.

А что будет со мной дальше – покажет время. Это даже интересно. Пусть волнам кажется, что это они меня несут, достаточно самому знать, что они движутся со мной в одном направлении. Вот беда только – не знаю сам, в каком.

8.05

Служба кончилась. ГСВГ, прощай! Я снова дома. В голове не разберёшь, что творится: что делать, чем заниматься? Не знаю. Идти учиться? или остаться работать в совхозе? Другие как-то определяются, а я? Видно, в детстве сильно подпалило голову.

18.08

В Любино всё надоело, всё противно. Корчу шута, чтобы не завывать, пью с горя и от досады. И пить уже надоело. Ещё тоскливее. Не с кем поговорить. Все и всё вокруг бутылки и юбки, цинично и до ужаса плоско и пошло. Роль шута надоела, того и гляди незаметно сойдёшь с ума. Надо отсюда делать ноги.

1.09

В автокатастрофе погиб Саша Кудрявцев. <...>

5.11

Сахарово. Интересна и значительна полемика К. Аксакова и В. Белинского по поводу «Мёртвых душ». Но для меня интереснее Шевырёв: его суждения лишены предвзятости, более трезвы, без запальчивости Белинского и Аксакова. Он ни с кем не спорит, а потому свободен и, наверное, более точен в понимании «Мёртвых душ». В споре нет истины.

(продолжение на стр. 6)

(начало на стр. 5)

25.12

Последние дни этого года. Ещё один год прожит, а у меня в голове и в сердце не стало ни яснее, ни легче. Что делать? Чем заниматься? Институт бросил. К чёрту, не хочу после мучиться тем, что сижу не в своей тарелке. Страшно люблю литературу, но на филфак путь для меня пока закрыт. Время есть подготовиться. Пока предложили поработать в клубе киномехаником. Попробую. Будет время читать.

1985

9.01

Опять одиночество. Живу в вакууме. Всё перегорает внутри и, наверное, я скоро разучусь разговаривать.

4.02

Чёртово одиночество! Голова болит! Сердце болит! Где выход?

5.02

«Гений и злодейство – две вещи несовместные...» Моцарт и Сальери. Один – гений. А второй... нет, не злодей, а жалкий в своей гордыни просто талантливый че-ло-век. Он – Сальери – не лишён сильного чувства, но лишён сильной воли. Как его играет Смоктуновский в «Маленьких трагедиях»: не просто глубоко, а исчерпывающе глубоко. Гений искусства! Гений жизни! А его Сальери?! Да это же Отелло в музыке! Просто здорово.

7.02

Как бы мне хотелось, чтобы люди научились уважать и понимать друг друга, хотя бы попытались это сделать. А я сам? Неужели я настолько эгоистичен, что заставляю мать плакать? Или всё-таки прав я? Но ведь и она должна же быть в чём-то права. Но в чём? И действительно ли – права?

Хорошо понять бы это, и тогда, может быть, не было бы этих никому не нужных и ничего не решающих ссор и дрызг.

11.02

Как легко творить стихи в душе, но, Боже мой, как это трудно делать на бумаге.

14.02

Все говорят: учись, учись, – и никто не знает, что это значит. Спросишь – в ответ какие-то общие фразы об уме, заработке и т.д. А что мне до этого. Многие стараются быть там, где легче и проще. А зачем? Самое трудное – спорить с собой, а от себя не уйдёшь и лёгкости и простоты не найдёшь. А вообще-то, время летит всё быстрее, а я всё не знаю: чего хочу? Где-то когда-то я что-то важное потерял. А поискать не додумался или поленился. Дурак или шляпа, одним словом.

15.03

На вокзале девчонка читает Пушкина. Кретин, и как я могу скулить об одиночестве!

26.05

Сегодня я был счастлив и, действительно, за последние годы хорошо отдохнул. Ушли с утра с братишками в лес, на охоту. Не постреляли, но набродились. Море запахов, звуков. Тишина. Озёра. Ручьи. И на десяток километров никого. Здорово!

16.10

Какие грозные и великие события прошли (с конца 19 – начала 20 вв.) в нашем столетии. Сколько жертв! И всё это напрасно? Какой ценой, затратой каких сил и средств выстояли в Отечественной войне! Один дед погиб в финскую, другой – без руки пришёл из-под Сталинграда. А сколько таких семей?! Да почти каждая! Что же с нами случилось в последнюю четверть 20 века? Ничего святого. Грязь и кровь. А что дальше? А мне что дальше? Ведь это и я.

18.10

Нужно подчинить всё одной цели: осенью 1986 г. поступить в институт. Это хоть какой-то выход.

(продолжение следует)

• **Новые стихи**

**Маргарита
Петрова**

Жду ветров, как Эолова
арфа.
Дует крепче – звучнее пою.
В штиль воздушным
затейливым шарфом
Опускаюсь на шею твою.

И вишу в бесполезности нежной,
Ни согреть, ни укрыть не могу.
Что же делать с душою мятежной
В сонном, вяло кружащем снегу?

В феврале запоёт и завьюжит.
Ты прости. И меня не держи.
Ветры стихнут, опять станешь нужен,
А пока проводи до межи.

* * *

В кресле у камина под пушистым пледом
Между сном и явью рифму стерегу.
Истиной помнится, став на утро бредом,
Ваше откровенье там на берегу.

Разве зарифмуешь сердцем не созвучных,
Хоть открой все разом чудо-словари.
«Выгодно – угодно», - слышите, как скучно?
Угольки в камине гаснут до зари.

* * *

Обживаю валенки –
вещь простонародную,
с запахом завалинки,
цвета спелой ржи.
Со стильной оторочкою,
с суперзаморочками.
Для больших и маленьких
бабушкины валенки
снова стали модными
и международные
стёрли рубежи.

* * *

С лиловым зонтиком под мышкой,
Влёт перепрыгивая лужи,
Девчонка-ласточка вприпрыжку
Спешит за очень важным мужем.

А он плывёт локомотивом,
Лет тридцати, но озабочен;
Весенним радостным мотивам
Чужд и непоправимо прочен.

Сердит на «этот цирк» в природе,
Жену с загадочной улыбкой,
На музыканта в переходе,
Людей тревожащего скрипкой.

Финал предвидя, ветер звонкий
Всплакнул над этой странной парой:
Она – вся из материй тонких,
И он – от колыбели старый.

* * *

В этом доме так ярко светилось окно.
За неплотно задёрнутой шторой –
женский профиль, склонённый над веретеном,
пальцы движутся плавно, но споро.

Бесконечно кажется пряхина нить...
По неведомым людям законам
пряжа рвётся, и некого в этом винить.
Вот уже и темно в заоконье.

* * *

Судьбе спасибо: всё еще дышу,
Вбираю грудью сладкую прохладу,
С черёмухи хмелею и пишу,
К природному подстраиваясь ладу.

Очередная царствует весна,
И в исчисленьях путается тело,
И шаль моя по-девичьи красна...
Я в зеркала давненько не смотрела.

Осенний забываю неуют,
Пока ложатся под ноги дороги,
Тропиночками памяти бегут
Несовершенные, но искренние строки.

* * *

И я ищу желанный путь к истоку –
К истоку рода, памяти, строки.
Боюсь, не хватит опыта и сроку.
Не обратиться ль к мудрому потоку
Янтарной, тайну знающей реки.

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

ВСТУПЛЕНИЕ

«Орловка на картах не значит» – именно так назывался небольшой видеофильм, снятый в 90-е годы моими друзьями, дальневосточными лётчиками, об этом затерянном на просторах Амурской губернии маленьком авиационном гарнизоне. Фильм был чисто любительский, как говорится – «для своих», большую его часть составляли кадры лётных будней, показ специфики работы лётного и технического состава, съёмки пилотажа. Но были там и чисто бытовые зарисовки, и неплохой пейзажный видеоряд. Я к тому времени в Орловке уже давно не служил и посмотрел этот фильм с известной долей ностальгии, со щемящим сердцем узнавая на экране «родные» места и знакомые до боли лица. С тех пор минуло ещё почти двадцать лет, но вот ведь, странное дело, образ далёкого дальневосточного гарнизона до сих пор остаётся в памяти ярким тёплым пятном, эмоционально перекрывая все последующие многочисленные места службы. Может быть, дело тут в том, что Орловка – это моё ПЕРВОЕ место службы? А может, из-за того, что там прошла моя молодость? Прошло моё становление? Ведь приехал я туда сразу после училища – молодым неопытным лейтенантом, «желторотиком» или, как нас ещё тогда называли, «курсантом пятого курса», а уезжал закалённым воздушным бойцом, профессионалом, почти асом. Приехал безответственным и «безбашенным», жаждущим удовольствий и весёлых приключений, холостяком, а уезжал степенным женатым человеком, уже определившим для себя основные жизненные приоритеты и ценности. А может, из-за того, что там я встретил массу замечательных людей, многие из которых стали моими друзьями. Или потому, что именно там я сформировался как писатель, поэт, обрёл свой стиль, свой «почерк», свою поэтическую философию. Может быть, всё дело именно в этом. Может быть. Не знаю. Наверное, попытка как-то разобраться в себе, в своей «орловской ностальгии» в конце концов и сподвигла меня на написание этих заметок.

Рассказать о чём-либо слушателю, не имеющему об описываемом предмете ни малейшего представления, задача, с одной стороны, лёгкая, а с другой – весьма непростая.

Лёгкая потому, что можно не бояться попасться на каких-то неточностях, допущенных либо по свойствам человеческой памяти, либо из невольного желания слегка приукрасить действительность. Лёгкая потому, что можно не ограничивать себя в оценках событий и ситуаций, потому, что можно, в конце концов, вовсе упустить из описания что-то лично тебе несимпатичное или, наоборот, дофантазировать что-то несостоявшееся, несбывшееся.

А непростая потому, что, с одной стороны, очень хочется быть честным перед читателем и – особенно! – перед собой и, с другой стороны, потому, что сложно, почти невозможно передать настрой, «вкус и запах» той, уже давно ушедшей, эпохи, погрузить читателя в атмосферу тех будней, заставить его сопереживать описываемым героям. Тем более это трудно сделать в тексте не художественном, не на страницах повести или романа, а вот в таких вот, почти путевых, дорожных заметках, в «записках на манжетах». Однако я попробую!

Начать же своё повествование я, возвращаясь к заглавию, хочу с рассказа...

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕТСКОЙ КАРТОГРАФИИ

Советская картография, как и почти всё советское, радикально отличалась от картографии «нормальной», общепринятой во всём остальном мире. Так, например, обозначенная на «нашей» карте жирной красной линией автомобильная трасса областного значения («с твёрдым покрытием») могла оказаться в действительности «зимником» – дорогой, проезжей исключительно в зимнее время года, а тонко прорисованная грунтовая дорога – едва проходимой для пешеходов

(продолжение на стр. 9)

(начало на стр. 8)

тропой. А могла, кстати, и вовсе не оказаться, то есть отсутствовать на местности напрочь, по определению. Особенно, если пересекала эта дорога на своём пути какую-либо административную границу. Было такое свойство у советских дорог – кончатся на границе областей и республик. Впрочем, у современных российских дорог это качество также присутствует.

То же касалось и населённых пунктов. Масса городов и посёлков, обозначенных на картах, отсутствовали в действительности или находились совсем не там, где должны были находиться. Наверное, самые вопиющие случаи – это города Иркутск и Нижний Тагил, «сдвинутые» усилиями советских картографов со своих мест на десятки километров (естественно, исключительно из благих побуждений, а именно – дабы уберечь эти стратегически важные промышленные объекты от ракетно-ядерного удара коварного «потенциального противника»).

Имела место и обратная ситуация. Огромное количество населённых пунктов (а иногда это были целые города чуть ли не со стотысячным населением!) на картах отсутствовало вовсе. Арзамас-16, Златоуст-36, Красноярск-26 и Красноярск-45, Челябинск-65 и 70, Свердловск-44 и 45, Североморск-1,2 и 3 – это только наиболее крупные из них. Мелким же было и вовсе несть числа. Вот к этим-то мелким как раз и относилась Орловка, она же Серышево-4.

Орловка представляла собой классический авиационный гарнизон: аэродром, служебная зона, где размещалось военное хозяйство нескольких частей, и жилой городок – семь жилых пятиэтажек, двухэтажная служебная гостиница, ГДО (гарнизонный дом офицеров), лётная столовая, магазин и котельная. Отличительной чертой Орловки от большинства других авиационных гарнизонов было, единственно, то, что она была достаточно разбросана на местности: от городка до служебной зоны было шесть километров, а от служебной зоны до лётного поля аэродрома – ещё два.

Так вот, ни аэродрома, ни служебной зоны, ни даже самого городка и в помине не было на самых точных, даже секретных крупномасштабных, картах. Впрочем, в ту пору все карты подробнее «десятикилометровки» были сугубо секретными. Да и «десятикилометровки»-то, и те несли на себе отметку «ДСП» – для служебного пользования. Правда, точности ради, надо сказать, что на карте масштаба 1:200 000, то есть на «двухвёрстке», на месте аэродрома стоял значок «МТФ» – машинно-тракторная ферма. То ли на этом месте когда-то – может, в забытые тридцатые годы – и, вправду, располагалась ферма, то ли это была хитрая уловка безвестных картографов, определивших в мирные трактора грозные сверхзвуковые истребители, – об этом история умалчивает. На месте же служебной зоны и жилого городка и вовсе были обозначены, соответственно, – густой кустарник и хвойный лес.

Как же жилось обитателям не существующего ни на одной карте, но тем не менее вполне себе населённого пункта?

Да по-разному жилось. Жилось, по большому счёту, так же, как в ту пору жилось и всем остальным жителям великой и несчастной страны, размазанной по одной шестой части Земной суши.

Впрочем, был в этой жизни один критерий – пожалуй, главный и, на мой взгляд, определяющий все остальные стороны их гарнизонного бытия. О нём-то я и хочу в первую очередь рассказать. Речь пойдёт...

ОБ УДАЛЁННОСТИ

Для начала необходимо сказать пару слов о Дальнем Востоке вообще и о месте Орловки на этом Дальнем Востоке в частности.

Исторически сложилось так, что весь Дальневосточный регион обращён лицом к Тихому океану. Оно и понятно. Море есть море. Во все времена и во всех частях света близость к морю была определяющей для развития и процветания местной цивилизации. И Дальний Восток в этом отношении не является исключением. По этой самой причине и все крупные дальневосточные города или расположены на берегу Тихого океана (Владивосток, Находка, Магадан, Петропавловск-Камчатский), или же, как Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, связаны с океаном мощной речной артерией. Про островной Южно-Сахалинск мы и вовсе не говорим. Там вообще кругом вода. При таком положении вещей отодвинутые от моря на сотни километров «сухопутные» Еврейская и Амурская области выглядят таким неполновесным придатком, жидким «хвостиком» могучего дальневосточного «зверя», припавшего к океану и жадно лакающего из Великого Тихого крутой океанский рассол.

«А как же Якутия?! – воскликнет дотошный читатель. – Она ведь тоже часть Дальнего Востока и
(продолжение на стр.10)

(начало на стр. 8-9).

тоже удалена на сотни километров от Тихого океана! Как же Якутия?!» – воскликнет этот самый читатель и будет прав... и не прав. Прав потому, что, да, действительно, Якутия административно относится к Дальневосточному региону и, действительно, отделена от Тихого океана непроходимыми горными хребтами и сотнями километров тайги. А не прав потому, что, во-первых, у Якутии всё-таки есть выход к океану. Пусть даже этот океан и является Северным Ледовитым. А, во-вторых, что касается административного подчинения... Ну да, подчинена. Но подчинена, по сути, так же, как, к примеру, Гренландия подчинена Дании: де-юре – вроде как бы и да, а де-факто – где она, та Дания? Да и вообще, имела её Гренландия очень сильно в виду. Так что сидит себе Якутия спокойненько на своих якутских просторах, курит свою алмазную трубку и смотрит своими чудными раскосыми глазами на мирно пасущихся оленей. И ей, однако, хорошо.

Так что, возвращаясь к нашим, обиженным судьбой, Амурской и Еврейской областям, они, в сравнении с огромными приморскими регионами, да и с той же, кстати, Якутией, кажутся просто небольшими, неровно огранёнными бусинами, небрежно нанизанными на тонкую нитку Транссибирской магистрали. Поэтому во все времена и при всех властях эти области были ничем иным, как дремучими дальневосточными задворками. Или же, выражаясь резче..., ну, вы понимаете – если к Тихому океану лицом, то к России... да-да, тем самым местом, куда обычно прикрепляют хвост.

Вот в этих-то самых «хвостатых» местах, где западная оконечность Дальнего Востока нечувствительно перетекает в восточную оконечность Забайкалья, где заканчивается великая сибирская тайга, а великие монгольские степи ещё и не думают начинаться, в этих дремучих, заповедных краях, куда не залетают ни приморские муссоны, ни перелётные птицы, «...где растёт дикая слива, и шесть медвежат кричат: "Хо!" и валятся на спину», – вот там-то как раз и находилась та самая Орловка, о которой автор ведёт здесь речь.

Гарнизон Орловка представлял собой достаточно автономный, связанный с остальной, «большой» цивилизацией лишь «пуповиной» корявой автомобильной дороги организм. До «родного» райцентра Серышево было по этой самой упомянутой дороге, представлявшей собой неширокую грунтовку с двумя рядами – колеями – разбитых бетонных плит, двадцать шесть полновесных километров. Двадцать шесть километров до ближайшей железнодорожной станции, до ближайшей поликлиники, до ближайшего убогого промтоварного магазина и не менее убогого ресторана, до ближайшего, наконец, междугородного телефона (да поймут меня жившие в эпоху «домобильной» связи!).

Ведь чтоб позвонить тогда, к примеру, родителям или другим родственникам «на большую землю», абоненту из Орловки необходимо было для начала отпроситься на после обеда с работы, после чего ехать автобусом в Серышево, где идти первым делом... в гостиницу, заселяться в номер, после чего уже отправляться на переговорный пункт, где заказывать разговор и «в течение часа», а на самом деле – и двух часов, и трёх, а иногда и всех пяти, сидеть, ни на минуту не отлучаясь, ожидая вожделенного соединения. Поговорив или не поговорив (а сплошь и рядом бывало и такое – шестичасовая разница во времени накладывала на общение с «Европой» вполне понятные и конкретные ограничения), отправляться на ночёвку обратно в гостиницу, а утром нестись на автостанцию к первому автобусу и вновь трястись по той же раздолбанной бетонке двадцать шесть километров – без малого час пути – в обратную сторону, рискуя в случае малейшей задержки опоздать на работу.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 8-10).

Поездка же в областной центр Благовещенск, расположенный в двухстах километрах, и вовсе оказывалась полноценным путешествием с двумя ночёвками – по дороге туда и обратно – и всего с четырьмя часами свободного времени там. Удобней и выгодней было даже ездить за семьсот километров в Хабаровск: ночь на поезде туда, день там, ночь на поезде обратно. Собственно, чем многие «орловчане» и пользовались. У орловских холостяков даже было в ходу «пивное турне» (пиво в ту пору было жутким дефицитом, и СВОБОДНО купить его можно было исключительно в ресторанах!), осуществляемое иногда в уик-энд: в субботу после обеда – в Серышево, ночь в вагоне-ресторане до Хабаровска, «продолжение банкета» в одном из хабаровских ресторанов и такая же пьяная ночь по дороге обратно. Утром в понедельник «отдохнувшие» «туристы» выходили на работу.

Короче, любая маломальская проблема в итоге упиралась в необходимость куда-то ехать. На поезд, в поликлинику или позвонить ездили в Серышево, в роддом и за бытовой техникой – в Белогорск (крупный райцентр в шестидесяти километрах от Орловки), ну а за колбасой, шампанским и прочими необязательными удовольствиями, а также в аэропорт к самолёту на «большую землю» – в Благовещенск или в Хабаровск.

И вот тут совершенно необходимо рассказать...

О ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ТРАНСПОРТЕ

Уточню: речь пойдёт о дальневосточном транспорте образца 80-х годов прошлого века. Может, конечно, за прошедшие годы всё в этой сфере на Дальнем Востоке радикально поменялось. Может быть, изменилось что-нибудь. Может быть, изменилось хоть что-то. Может быть. Не знаю. Не уверен.

Известно, что подавляющее большинство пассажиров попадает на Дальний Восток с помощью самолётов гражданской авиации. Оно и понятно, учитывая сумасшедшие российские расстояния. Поэтому об авиации и первое слово.

(продолжение следует)

• Новые стихи Александр Павлов

г. Андреаполь

Я уже написал черновик
Своей жизни такой неуклюжей,
Переписывать я не привык,
И кому чистовик будет нужен?
Пусть останутся кляксы кой-где
И пробелы не там, где хотелось,
Благодарен я все же судьбе
И за юность свою, и за зрелость.

Благодарен за черные дни,
За горбушечку хлеба без соли,
За бессонные ночи любви -
Никому не отдам своей доли.

Ну что так смотришь на меня,
Как будто в чем-то важном каясь?
Уйти собрался? Уходи,
И лучше даже не прощаясь.

Я как-нибудь переживу
Разлуки боль и расставанье,
Тебе назло я не скажу
«Прощай» и даже «До свиданья».

Сглотну я горечи комок,
Не буду плакать - не дождешься.
Поправлю сбившийся платок
И буду знать, что ты вернешься.

• Готовится к печати: «А у нас во дворе»

Валентин Пажетнов

Бельчик

РАССКАЗ

Двор нашего старого дома прикрылся

подросшими сосенками так плотно, что прогала между двором и лесом уже не осталось. На дворовых сосенках густо

уродилась шишка, и из леса повадилась приходить в сосновую поросль белка – покормиться семенами. К жильцам дома она так привыкла, что присутствие людей во дворе её не беспокоило. В ясный день белочка усаживалась на ветке, срывала шишку, брала её в свои лапки и деловито теребила, роняя сверху то чешуйку от шишки, то легкие крылышки от добытых семян. Соринки от кормившейся белки ложились на белый снег широким сереньким пятном. Эти пятна охотники так и называют – посорка. Где кормится белка сосновой или еловой шишкой, там под деревом и лежит на снегу посорка. Белку называли Бельчиком. Появление её во дворе всегда приносило жильцам радость. Изящный в своих движениях, красивый, грациозный зверёк как будто понимал, что им любят, восхищаются. Бельчик срывал очередную шишку, брал её в рот, перебирался на крайнюю ветку и усаживался выбирать семена из шишки на самом виду у жителей дома, не обращая никакого внимания на их возгласы и замечания в свой адрес.

Март покотился по лесу весёлым, солнечным месяцем, будоража преддверием весны лесную живность. По утрам, на самом рассвете, тонким, чистым свистом перекликались рябчики. Зайцы за ночь на заснеженной дороге вычерчивали такие замысловатые кренделя, что, разглядывая их, сразу было и не разобрать, что они тут вытворяли! А всё оттого, что у них, зайцев, начались свадьбы и эти длинноногие и ушастые зверьки, взрыхляя снег лапами, демонстрировали друг перед другом свои способности в прыжках и разворотах, показывая тем самым разборчивым зайчихам свою силу да удал. И у белок настала беспокойная пора. Весна. Бельчик уже не раз приходил во двор вместе со своей подружкой. Его подружка, робкая вначале, вскоре освоилась и уже не пугалась людей, выходявших поглазеть на зверьков. Однако она всегда оставалась в самой густой части кроны дерева, предпочитая её открытым крайним веткам – осторожничала. Жильцы дома к белкам привыкли, и долгое отсутствие зверьков вызывало беспокойство: не случилось ли с ними чего? Врагов у белки много: куница, совы, ястребы перепелятник и тетеревиный. Но проходило время, и Бельчик объявлялся на знакомых соснах. Однажды хозяйка дома занималась своими делами на кухне. Дверь из коридора в комнату была открыта – комната проветривалась особенно чистым весной свежим воздухом. Вдруг со двора донеслись отчаянные визги! Верещала белка! Женщина быстро выбежала во двор и между переплетениями узловатых веток увидела мелькнувшую серым пятном белку! Её направленно пыталась поймать сова – длиннохвостая неясность. Обычно, совы – ночные добытчики, но весной нередко устраивают охоту и днём. Бельчик, а это был он, так испугался напавшего на него хищника, что выпал из кроны дерева на стоявший под соснами стол и остался на нём сидеть, от охватившего его страха совершенно лишившись возможности как-либо двигаться. Женщина закричала, и сова благоразумно убралась в лес.

Бельчик позволил взять себя в руки. С минуту сидел на руках без движения, безучастный к окружающему его миру. Потом оправился, как будто проснулся, резко оттолкнулся от ладони ножками, спрыгнул на стол, со стола на дерево, пошуршал коготками по коре, взбираясь по стволу вверх и, перепрыгивая с дерева на дерево, ушёл со двора в лес. Только теперь женщина заметила, что Бельчик был не один: из густой кроны соседней сосны скользнула за ним другая белка, его подружка. В этот раз судьба оказалась благосклонной к маленьким лесным зверькам. В зиму и наступившую весну двор покормил Бельчика семенами сосны, а в критическую минуту человек спас от неминуемой гибели. Живёт дикая природа своей, непростой жизнью, где радость бытия сосуществует совсем рядом с острой трагедией, а жизнь, порой, держится на тонкой ниточке удачи.

• Молодые голоса

За моим окном

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осень. Всё вокруг словно погрузилось в сон. Небо молочно-серого цвета. На его фоне вдали видны косяки диких уток. Их звонкое «кря!» уносится за леса, которые уже сбросили свою пожелтевшую листву. «Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш!!!» - зашуршали по дорогам жёлтые, красные, тёмно-оранжевые, бардовые листья. «Кап! Кап! Кап!» - заплакало небо, тихо роняя большие капли. Дождь, первый осенний дождь побежал по дорогам, застучал в стёкла маленьких промокших серых домишек, словно прося впустить усталого странника. Я тихонько иду под зонтом, по которому стекают ручьём дождевые капли. Слышны шаги молчаливых прохожих. Кто-то видит в лужах грязь, а кто-то - отражение неба. Но каждый решает сам, как ему смотреть на вещи...

УТРО В ПОСЁЛКЕ

После томного ночного уныния утро в нашем посёлке начинается со звонкого кукареканья петухов на восходе солнца. Всё как будто заново рождается. Просыпается природа: полотно неба окрашивается в нежный, светло-голубой цвет. Слышится радостное пение птиц, шумит листва, по которой весело пробегает лёгкий ветерок и золотистые лучики солнца, а на ярко-зелёной траве уже лежат переливающиеся прозрачные бусинки росы.

Таким чудесным летним утром можно увидеть людей, которые спешат на работу, идут за ягодами или грибами. А кто-то занимается домашним хозяйством, например, дачники или пенсионеры. Каждое такое летнее утро дарит жизненную энергию на последующее время года.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Тёплое ясное утро. В окно через шторы пробивается первый солнечный лучик. Я встаю с постели и отдёргиваю эти шторы, затем открываю окно. Тут в комнату врывается свежий летний ветерок. Я люблюсь недавно проснувшейся природой. Голубое, почти бирюзовое небо заставляет меня улыбаться, а лучистое солнце слепит глаза.

На зелёных деревьях шепчутся молодые листочки. По краям пыльной дороги, среди изумрудной травы цветут ромашки и жёлтые одуванчики. В палисаднике над пионами и лилиями порхает множество бабочек. Вдали серебристо переливается озеро, над которым, крича, пролетают чайки. Всё дышит и наслаждается солнечным летним утром.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я сижу и думаю: «Ведь это всё моё. Мой родной посёлок, моя трава, мои кусты, мои цветы... Мои соседи, знакомые и незнакомые, близкие и дальние. Никто не может это всё отнять у меня, потому что это всё в моём сердце, в моей душе. Любовь к родному краю я пронесу до конца моих дней. Это - моя Родина!

Анна Бигарь (на снимке; фото Е. Мировой),
п. Бологово

Эти миниатюры заняли первое место на районном конкурсе «Несу в душе свою Родину».

Мария Черкасова

Мариэль

СКАЗКА

Жила-была на свете женщина. И не было у неё детей. Однажды, жарким летом, пошла она на речку. На речке никого не было, только одна маленькая прелестная девочка, весело смеясь, играла в воде.

- Как тебя зовут? – спросила женщина.

Девочка подняла свои длинные ресницы и, посмотрев на женщину большими зелёными глазами, ответила:

- Меня зовут Мариэль.

- Ты здесь одна? – удивилась женщина. – Как же тебя, такую маленькую, родителипустили одну купаться?

- У меня нет родителей, - печально ответила девочка.

- Бедный ребёнок, - пожалела женщина, - а хочешь, я буду твоей мамой?

- Да, очень хочу! – обрадовалась Мариэль.

- Ну, вот и славно. А теперь вылезай быстренько, а то можешь простудиться. Маленьким детям нельзя долго находиться в воде, пойдём домой.

- Я не могу идти, - печально опустила девочка глазки, - я не обычный ребёнок, я русалочка.

И тут женщина заметила, что у девочки вместо ножек и вправду был хвостик, как у рыбки.

- Я часто приплываю сюда летом, - заговорила вновь русалочка, - и наблюдаю, как веселятся люди. Ещё мне нравится смотреть, как играют дети: они бегают, прыгают. Ах, как бы мне хотелось так же, как они резвиться. Но, увы, я не могу.

- Ты знаешь, Мариэль, я, кажется, могу тебе помочь. Одна знакомая волшебница дала мне два пузырька с живой и мёртвой водой. Если хочешь, мы с тобой можем попробовать сбрызнуть этой водой твой хвостик. Вдруг он превратится в две ножки?

- Хочу, очень хочу! – обрадовалась русалочка.

- Но ты понимаешь, что уже никогда не сможешь стать обратно русалочкой, а так и останешься земной девочкой?

- Я очень хочу стать такой же, как те дети, которых я видела. Начинайте.

Когда хвостик превратился в две красивые стройные ножки, Мариэль стала ходить, бегать, прыгать, как и мечтала. Ножки с непривычки немножко болели.

- Это не беда, - думала Мариэль, - наверное, они скоро перестанут болеть.

Она старалась не замечать боли и думала только о том, какая она счастливая, потому что стала теперь такой же, как земные дети, и у неё была самая лучшая мама на свете. Девочка, как могла, пыталась не показывать своей боли, чтобы не огорчать маму. Но мама всё равно всё видела и очень переживала, что не может помочь своей маленькой больной доченьке, которой боль не давала играть с другими детьми. Женщина старалась сделать всё возможное, чтобы её дочка не чувствовала себя одиноко: покупала красивые игрушки, книжки. Она ездила с Мариэль на велосипеде в лес за ягодами и грибами, на речку. На природе девочке становилось немножко легче. Она забывала про боль, любовалась бабочками, птичками, разными зверушками и рыбками.

(продолжение на стр. 15)

И они все её тоже
очень любили. Она
понимала язык
животных, ей было
интересно общаться с
ними.

Раньше, когда
Мариэль была русалочкой, летом она
жила в речке, а когда становилось
прохладно, уплывала в тёплое море.
Теперь же в холодное время года она
сидела дома и смотрела телевизор,
который на долгое время становился её
единственным другом. Он ей рассказывал
о разных людях, странах, о её любимом
тёплом море. А иногда даже показывал
мультфильмы о ней самой – о Мариэль.
Только девочку русалку там звали
Ариэль! Бывшая русалочка немножко
скучала по морю и хоть один разочек
хотела его увидеть снова. Внешне она
была обычной девочкой, но в душе так и
осталась русалочкой: любит плавать и,
как все русалки, любит всё яркое и
блестящее.

Ещё она очень любит музыку. Раньше
она замечательно танцевала в воде, но
теперь только слушает музыку и поёт,
когда никого нет рядом – ведь пение
русалок (сирен) опасно для человеческого
слуха. Мариэль знает это, и потому никто
никогда не слышал её чудесного,
ангельского, голоса, который вполне мог
бы принести ей мировую славу. Бывшая
русалочка не хочет никому принести
вреда, ведь она учится быть Человеком. А
за это иногда приходится платить и
болью.

• Из мест не дальних

Роман Прохоров

п. Костюшино

Я с детства имя матери не помню,
Я вырос в детском доме, и теперь
Попасть бы мне в уют домашних комнат,
И мама бы открыла эту дверь.
И взгляд её пусть делается строже,
Готов пройти я тысячи дорог.
Родная мама, ты мне всех дороже,
Тебе лишь предан я, как дворовой щенок.

* * *

Родная мама, сколько зла
Я причинял, года теряя.
Исправить всё не в силах я,
Хотя и очень я старюсь.
Простите, люди, вы меня
И не судите очень строго.
Всеми виной моя судьба
И выбранная мной дорога.

* * *

Птицей ангельской спустился он с небес,
Предназначено ему нести свой крест,
Предназначено судьбой быть рядом с ней,
Добрый ангелом везде быть, словно тень.
Но случилось то, чего никто не ждал:
Про любовь тот ангел ничего не знал.
Как цветок лесной, та девушка была,
Красотой своей его с ума свела.
И влюбился ангел в смертную красу,
Пуще прежнего берёт мечту свою
И с печалью думал, глядя на неё:
Он бессмертный, и она не для него.
И поднялся ангел ввысь за облака
Разрешенье взять, напутствие Отца.
И тогда Всевышний дал ему ответ,
На бессмертную жизнь вечную запрет.
И, спустившись наземь, смертным ангел стал,
Всё, что было, на любовь он променял.
Наконец, сбылось всё то, о чём мечтал,
Покрывалом нежным вечер их венчал.
От судьбы-подруги нам не убежать,
Смертным смертного от бед не удержать.
За окном услышав визги тормозов,
Он с душой горячей выбежал на зов -
У машины его милая лежит,
А над нею ангел с крыльями стоит.

О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

Поэт в России - больше, чем поэт.

Е.А. Евтушенко.

Игорь Столяров

г. Нелидово

Поэт в России – больше, чем поэт:
Еще он пьяница, и наркоман, и бабник,
Пророк, мудрец, апофигист, похабник,
И неврастеник, и псевдоэстет.

Он неказист, но одухотворен
И неразрывно связан струнной жилой
С той огневой, неукротимой силой,
Что свет начальный льет во тьму времен.

Он – истопник в стране сплошных снегов
И для себя не ищет доли лучше.
Он греет наши зябнувшие души,
Мешая угли потаенных слов.

Пётр Бобунов

г. Нелидово

Поэт в России – больше чем поэт,
Поэт в России, - это её совесть,
Задаст вопрос, но промолчит ответ, -
Задумываться заставляет, то есть.

И потому он – «враг и диссидент»,
Излюбленный объект сановной взбучки,
Поэт в России – больше, чем поэт,
Поэт в России – чемодан без ручки.

Маргарита Петрова

г. Андреаполь

Поэт в России может быть и бабой,
Которая и «в избу...», и «коня...».
Лишь клич Отчизна бросит: «Ты могла бы?»,
Ответит: «Положитесь на меня».

И нет бы рифмовать «морозы – розы»,
В глубины лезет, в сущность бытия.
Такие учинит метаморфозы,
У бабы ведь другая колея.

Пегас – он тоже конь для дела данный,
Мужей-поэтов слушает – маразм:
«Истопники», «без ручки чемоданы»,
Понять ли бабе тонкий их сарказм.

«Кем быть поэту?» - снова зарядили.
Поэт в России будь хоть брадобрей,

Нам классики давно определили:
«Глаголом жечь», и «никаких гвоздей».

Владимир Юринов

г. Андреаполь

ЛЁТЧИК

Деревня. Дом. Забор кирпичный.
А за забором день за днём
жил птичий двор. Жил как обычно –
беспечно, с шумом, с толкотнёй.
И в этой сладостной неволе,
где ни забот, ни важных дел,
один петух – со скуки, что ли? –
вдруг на поленницу взлетел.
Сам испугавшись этой шутки,
уже хотел слететь долой,
но тут услышал голос утки:
«Еро-ой! Пряма, вылитый ерой!»
И тут же без раздумий, следом,
восторженно трясая своим
свисающим авторитетом,
индюк изрёк: «Гагарин, блин!»
И понеслось: «Учитесь, трусы!...»,
«Ах, как он дерзок! Как он смел!...»
В углу взалёб галдели гуси:
«Да-да! Вы видели?! Летел!»
И вот уже (на рифму «дуры»
напрашиваясь, – что ж с того?)
призывно заклохотали куры:
«Он – лётчик! Я хочу его!»...
Вот так – внезапно, словно выстрел, –
приходит слава к тем, кто смел,
к тем, кто в дела оформит мысли
смог наяву, а не во сне.
И наш петух, увитый славой,
нёс от зари и до зари
толпой представленное право –
в своём курятнике царить.
И он царил! Он величаво
сидел, расправив гордо грудь.
И петушки дрались за право
в тени кумира отдохнуть.
Вкушая славу вместо хлеба,
он восседал чуть выше масс
и всё косил, косил на небо
свой жёлтый петушиный глаз.
Он, гребнем потрясая алым,
вдыхая птичника «шанель»,
не мог понять: что там мелькает?
что там роится, в вышине?

Там – шелест! ветер! росчерк! взмах! –
стрижи купались в облаках.